

лемый способ правления для России как страны с обширной территорией. Монархические иллюзии Карамзина послужили поводом для известной эпиграммы Пушкина и вызвали суровую критику со стороны декабристов, не принимавших политическую концепцию «Истории государства Российского». Однако и декабристы, и Пушкин отдавали должное заслугам Карамзина-историографа и широко использовали его материалы при создании своих художественных произведений. Достаточно сказать, что во время написания «Бориса Годунова» «История» Карамзина была настольной книгой для Пушкина.

В историческом труде вполне проявился и художественный талант Карамзина. Ему удалось нарисовать яркие, запоминающиеся образы разных деятелей русской истории, передать колорит каждой эпохи. Всех читателей восхищал язык историографа: эта, по выражению Белинского, «дивная резьба на меди и мраморе, которой не сгложет ни время, ни зависть»⁸.

В истории русского литературного языка Карамзину принадлежит одно из почетных мест. Не случайно крупнейшие литераторы первой половины XIX века признавали Карамзина своим учителем в отношении языка. Разумеется, и другие писатели XVIII века много сделали для того, чтобы литературный язык стал проще и доступнее. Но именно Карамзин повел последовательную борьбу с ненужными церковнославянизмами. Писатель неоднократно высказывался по этому поводу, обосновывая необходимость языковой реформы. Он создал замечательные образцы русской литературной речи в самых различных жанрах.

Художественная литература, публицистика, издательское дело, история, язык — вот те области русской культуры, которые были обогащены в результате деятельности этого талантливого человека. Вслед за Пушкиным можно повторить и сейчас: «Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему в дани уважения и благодарности»...⁹

Н. М. Карамзин и древнее благочестие

В письме к доктору Робину Милнер-Галланду от 16 февраля 1977 г. Дмитрий Сергеевич Лихачев писал о персонаже Диккенса мистере Джингле из «Пиквикского клуба»: «Джингля я считаю совершенно замечательным персонажем мировой лите-

ратуры, — замечательно же особенно то доброе (“христианское”) отношение к нему самого автора (Диккенса)»¹⁰. «Доброе» и «христианское» оказываются синонимами, понятиями, взаимно поясняющими друг друга.

Этот естественный синонимический ряд у Карамзина, как и у многих его предшественников и современников, пополнялся еще одним древним словом — «благочестие». Так, в «Письмах русского путешественника» говорится о святом Дионисии, который «в подземной глубине укрывался от врагов своих, то есть врагов Христианства, благочестия и добродетели»¹¹. Представление Карамзина о благочестии, его отношение к древнему благочестию — все это неразрывно связано прежде всего с религиозными воззрениями писателя, до сих пор специально не изученными, с его общим мировоззрением и интересом к отечественной истории. В соответствии с эволюцией взглядов Карамзина менялось и его представление о благочестии.

Если обратиться к контексту, из которого взята приведенная выше цитата, становится очевидно, сколь далек автор «Писем» от традиционного пиетета перед благочестивыми отшельниками. Автор сообщает, что «шесть дней сряду» он ходит в Кармелитский монастырь, но только для того, чтобы видеть там картину Ш. Лебрена, на которой в образе Магдалины изображена возлюбленная Людовика XIV герцогиня Лавальер. Характерно, что именно этот эпизод из «Писем русского путешественника» позднее вызвал полемический отклик строгого ревнителя благочестия — М. И. Невзорова, одного из питомцев масонского кружка Н. И. Новикова. О картине Лебрена Невзоров писал в своем «Путешествии в Казань, Вятку и Оренбургскую губернию в 1800 году» (1803): «Но какое впечатление получают, взирая на сей образ? Вместо того, чтобы приводить себе на память ревность святой Магдалины в последовании Христу, отречение от всех прелестей мира, покаяние ее и всю святую жизнь, представляют себе только ночные свидания Людовика с госпожою Лавальер и, вышедши из церкви, думают то же делать»¹².

Юный Карамзин, также вовлеченный в масонский кружок Новикова и испытавший его глубокое воздействие, в конце 1780-х годов вместе с другими прилежно переводивший «Беседы с Богом» К. Х. Штурма, после возвращения из путешествия по Европе в 1790 г. столь резко заявляет о своей независимости от кружка, о нежелании публиковать в своем «Московском журнале» никаких «теологических, мистических, слишком ученых, педантических и сухих» сочинений, что это вызывает решительное осуждение и раздражение многих его недавних

друзей — масонов¹³. Они начали беспокоиться, чувствуя уже по немногим письмам Карамзина из-за границы, что с ним происходят внутренние перемены. Одним из наиболее интересных свидетельств служит письмо жены масона Плещеева Настасьи Ивановны, с которой Карамзина на протяжении многих лет связывала нежная дружба. Большую тревогу вызвали у нее его слова: «Я вас вечно буду любить, ежели душа моя бессмертна». В волнении Плещеева писала А. М. Кутузову 7 июля 1790 г.: «Вообразите ж, каково, ежели он в том сомневается! Это “ежели” меня с ума сводит!»¹⁴

Конечно, опасения любящих друзей были несколько преувеличены, но они верно почувствовали, что Карамзин самостоятельно начинает решать те проблемы, которые казались им давно решенными и не подлежащими обсуждению, что, с их точки зрения, известное свободомыслие он начал позволять себе и в вопросах религии. В декабре того же 1790 г. Карамзин в очередном письме к швейцарскому философу и писателю И. К. Лафатеру задавал знаменательный вопрос: «Мудрее ли мы и добродетельнее ли Древних, потому что мы христиане?»¹⁵ Мир античности, воспринятый через европейскую культуру, пленял воображение русского путешественника, который смотрел на него глазами не только просвещенного человека, но и христианина. Характерно, что Карамзин в «Письмах» часто говорит о христианах, христианстве в целом и с явным неодобрением относится к любому проявлению религиозной нетерпимости. Он посещает не только католические и протестантские церкви, но и синагогу.

Повествуя о том, как, посещая аббатство Сен-Дени, где похоронены французские короли, он ищет надгробие дочери Ярослава Мудрого Анны, выданной замуж за Генриха I, Карамзин замечает: «Анна должна была переменить закон, во время самых жарких раздоров Восточной и Западной церкви: что очень удивительно»¹⁶. Судьба Анны вызывает сочувствие писателя, но не из-за того, что она была вынуждена отказаться от своего вероисповедания — это было обычно при династических браках. «Вообразите чувство юной Россиянки, — пишет Карамзин, — которая, оставляя свою милую отчизну и семейство, едет в чужую, дальнюю землю, как в темный лес, не зная там никого, не разумея языка — чтоб быть супругою неизвестного ей человека! <...> Следственно, и тогда приносились горестные жертвы политике!»¹⁷

Слова «благочестивый» и «благочестие» встречаются в «Письмах русского путешественника» неоднократно¹⁸. При этом, в

соответствии с темой произведения, они появляются при описании истории и нравов жителей Европы и отнесены к католикам, протестантам и даже язычникам. Чаще всего эти слова у Карамзина употребляются в их прямом значении: «набожный», «набожность». Но отмечая «неиспорченные нравы и благочестие» жителей Цюриха, путешественник имеет в виду не столько их набожность, сколько трудолюбие, честность, скромность быта.

Слово «православный» появляется в «Письмах» один-единственный раз¹⁹. Пересказывая содержание виденной им в Париже мелодрамы Ж.-Н. Буйи «Петр Великий» (1790), Карамзин приводит в своем вольном переводе песню ле-Форта, начинающуюся словами:

Жил был в свете добрый Царь
Православный Государь²⁰.

В оригинале герой песни назван «un célèbre empereur» («некий славный император»)²¹, так что русифицируя текст и придавая ему даже некоторую фольклорную окраску, Карамзин ввел и сказочную формулу «жил-был», и определение «православный», что подчеркивает благочестие «добротного государя». Уместно в этой связи напомнить, что одним из церковных титулов, придаваемых российским самодержцам, включая Петра I, был титул «благочестивейший»²².

Фольклорная стилизация характерна и для первой исторической повести Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792), в которой уже отчетливо проявляется интерес к отечественному прошлому, несмотря на несколько иронический тон повествования и не скрываемую «подделку под древний колорит». Уже тогда писатель имел право заявить: «...старая Русь известна мне более, нежели многим из моих сограждан»²³. Пример старинных добродетелей являет в повести боярин Матвей, прототипом которого был известный Артемон Матвеев. Достоинства своего героя автор видит в том, что он был «верный слуга царский, верный друг человечества»: он отличается справедливостью, великодушием, готовностью заступиться за слабого. Особенно подробно говорится о такой важной добродетели, как «странноприимство»: описываются пиры, которые боярин Матвей устраивал для «всех мимоходящих бедных людей». Однако о его набожности совсем не упоминается. Когда же рассказывается о времяпрепровождении боярской дочери Натальи, выясняется, что она ежедневно ходила к обедне, «исполняя набожную должность» в соответствии с обычаем старины. Но здесь

же автор не без лукавства замечает: «В старину не было ни клобов, ни маскарадов, куда ныне ездят себя казать и других смотреть; итак, где же, как не в церкви, могла тогда любопытная девушка поглядеть на людей?»²⁴

Именно в церкви происходят встречи Натальи с ее возлюбленным Алексеем Любославским. Он одет в голубой кафтан с золотыми пуговицами, и это тоже очень любопытная деталь, на которую исследователи до сих пор не обращали внимания. По воспоминаниям И. И. Дмитриева, участники новиковского Дружеского ученого общества «с общего согласия носили явно кафтаны одинакого покроя и цвета, голубые с золотыми петлицами»²⁵. Для членов масонского кружка в этом была важная символика: голубой цвет ассоциировался с небом, золотой — со звездами. Еще в 1779 г. Н. И. Новиковым был издан, а затем переиздан в 1784 г. И. В. Лопухиным перевод книги немецкого автора Карла Фридриха Кеппена (1734—1798) «Крата Репоя, или Посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов», стремившегося найти истоки масонских обрядов в самой глубокой древности. Здесь, в частности, упоминалось, что «главный надзиратель общества носил небесного цвета кафтан с вышитыми звездами и желтый пояс»²⁶. Облачая героя своей повести в такое значимое одеяние, Карамзин, конечно, нисколько не стремился придать этой детали какой-то мистический смысл; скорее напротив: в этом было еще одно проявление той лукавой иронии, которая окрашивает все повествование.

Даже в повести Карамзина «Райская птичка» (1792), сюжет которой был довольно популярен и в европейской и в русской средневековой литературе, исследовавшая эту проблему Л. В. Крестова отметила отсутствие «благочестивых мотивов»²⁷.

Более глубокий интерес к отечественной истории, проявившийся уже в период издания «Вестника Европы» (1802—1803), заставляет Карамзина с большим вниманием отнестись и к истории христианства на Руси. В статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» (1802) среди героев древности особое место занимает Владимир, с именем которого связана «великая эпоха в нашей истории: введение христианской религии»²⁸. В этой же статье писатель возвращается и к образу Анны Ярославны, о которой он писал в «Письмах русского путешественника». Обосновывая достоверность известия о замужестве Анны, писатель среди прочих приводит следующий аргумент: «...политика могла заставить и Генриха и Ярослава войти в сей союз и <...> привязанность одного к восточной, а другого к западной церкви дол-

женствовала уступить государственной пользе: ибо люди едва ли не всегда предпочитали земные выгоды небесным». Предлагая художникам изобразить расставание Анны с родной семьей, Карамзин пишет: «Это занимательно для воображения и трогательно для сердца. оставить навсегда отечество, семейство и милые навыки скромной девической жизни, чтобы ехать на край света с людьми чужими, которые говорили непонятным языком и молились (по тогдашнему образу мыслей) другому богу!..»²⁹ Перефразируя свои собственные прежние слова об Анне в «Письмах», писатель несколько меняет акценты: вопрос о перемене веры выдвигается теперь на первый план. В то же время оговорка «по тогдашнему образу мыслей» позволяет полагать, что конфессиональные различия в пределах христианства для самого Карамзина не имели существенного значения.

Богатейший материал для исследования предложенной нами темы содержит «История государства Российского», внутренне глубоко связанная с предшествовавшей литературной деятельностью писателя и в то же время отражающая те перемены в его мировоззрении, которые произошли в ходе осмысления Французской революции и более глубокого изучения отечественного прошлого. Ограничимся сейчас лишь анализом наиболее принципиальных высказываний Карамзина и несколькими характерными примерами.

Карамзин-историк понимает, какую значительную роль играет религия в жизни общества, и с большим вниманием относится к сведениям о верованиях древних славян. Он пишет: «Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрепляются, так сказать, мыслию о Силе Вышней, которая может спасти их от ударов рока, неотвратимых никакою мудростию человеческою, — хранить добрых и наказывать тайные злодейства. Сверх того Вера производит еще теснейшую связь между согражданами. <...> Сия выгода так явна и велика для гражданского общества, что она не могла укрыться от внимания самых первых его основателей, или отцов семейства»³⁰. «Набожным» историк называет Владимира, говоря еще о его «отменном усердии к богам языческим»³¹. Между тем имя Ольги, ранее принявшей христианство, встречается уже с эпитетом «благочестивая», «добродетельная».

Основное отличие язычников от христиан Карамзин видит прежде всего в том, что «о жизни за пределами гроба, столь любезной человеку, вера не сообщала им никакого ясного понятия: *одно земное* было ее предметом. <...> Напротив того христианство, представляя в едином невидимом Боге создателя и

правителя вселенных, нежного отца людей, снисходительного к их слабостям и награждающего добрых — здесь миром и покоем совести, а там, за тмою временной смерти, блаженством вечной жизни — удовлетворяет всем главным потребностям души человеческой»³². Примечательно, однако, что историк признает и в язычестве важные нравственные ценности, которые не отменяются христианством, но сохраняются и поддерживаются более глубоким убеждением и чувством. Так, признается, что языческая вера, «освящая добродетель храбрости, великодушия, честности, гостеприимства <...> способствовала благу гражданских обществ в их новости, но не могла удовлетворять сердца чувствительного и разума глубокомысленного»³³.

Как и ранее, Карамзину не свойственно враждебное отношение к христианам не православным. Повествуя о так давно заинтересовавшей его судьбе дочери Ярослава, он стремится сообщить прежде всего известные ему факты: в историческом труде были бы неуместны те лирические отступления, которые мог позволить себе писатель-беллетрист. Однако авторская оценка неизменно присутствует и в «Истории государства Российского». Карамзин упоминает, что во Франции после смерти Генриха I Анна, «славная благочестием», удалилась в монастырь. Без всякого осуждения историк рассказывает о ее втором браке и высказывает сомнение в известии французского летописца о возвращении ее в Россию после смерти второго супруга: «Честолюбие, узы семейственные, привычка и вера католическая, ею принятая, удерживали сию королеву во Франции»³⁴.

Многokrатно употребляя в «Истории» слова «набожность», «набожный», Карамзин иногда характеризует так политических деятелей, не достойных, с его точки зрения, истинного уважения и благодарности потомков. Наиболее яркий пример — Борис Годунов. Историк приводит лестные отзывы современников об этом государе — «ревностном наблюдателе всех уставов церковных и правил благочиния»³⁵, но с негодованием сообщает, как по приказанию Бориса сочиняется особая молитва, «заставлявшая народ свидетельствовать пред Оком Всевидящим о добродетелях убийцы, губителя и хищника!»³⁶

Истинно благочестивыми Карамзин считает лишь тех людей, которые отличаются высокими нравственными качествами. С глубочайшим уважением пишет историк о знаменитом священнике Сильвестре, который вместе с Адашевым пытался оказать благотворное влияние на Ивана Грозного, затем и в изгнании «блистал добродетелями христианскими», подавая «пример благочестия, любви, кротости»³⁷. Образец христианских добро-

детелей и вместе с тем удивительного человеческого мужества являет игумен Соловецкого монастыря, а затем митрополит Филипп, отказавший в благословении царю-тирану, вступившийся за невинных и поплатившийся за это жизнью. Отступая от бесстрастного повествования, историк комментирует свой рассказ: «...умереть за добродетель есть верх человеческой добродетели, и ни новая, ни древняя история не представляют нам героя знаменитейшего»³⁸.

Так в представлении Карамзина древнее благочестие в широком понимании этого слова становится понятием не только историческим, но этическим, входящим в систему важнейших нравственных принципов, сохраняющих свое значение на протяжении веков. Цепь времен, соединяющая героев Древней Руси и Карамзина, не замыкается на его эпохе. Удивительным образом с землей Соловецкой оказываются связаны судьбы не только замечательных героев древности Сильвестра и Филиппа, но и человека, памяти которого мы сегодня низко кланяемся, — Дмитрия Сергеевича Лихачева.

